

Ways of Expressing the Past Tense in Belarusian Mixed Subdialects Spoken in the Baltic-Slavic Contact Zone

Aksana Erker

Способы выражения прошедшего времени в белорусском смешанном говоре на балто-славянском пограничье

Аксана Эркер

ABSTRACT

The present paper explores the formation and use of simple past forms and resultative/perfect participial constructions in *-n/t-* and *-(y)šy* in a Belarusian mixed subdialect spoken on the Belarusian-Lithuanian and Belarusian-Latvian border. This Belarusian mixed subdialect belongs to the Baltic-Slavic Contact Zone. The examination of these categories is carried out on the basis of the dialectological data collected from two areas in Belarus: the region of Lida and Braslav. Both subdialects are shown to group with the neighboring Russian subdialects regarding the functional and morphological properties of the participial constructions. At the same time, they show impact from languages with *have*-perfects; primarily, Polish dialects.

Введение

Представленная работа посвящена способам выражения прошедшего времени в белорусском смешанном говоре. При этом в поле зрения исследования попадают простые формы прошедшего времени на *-l-* и причастные конструкции на *-n/t-* и *-(y)šy* в предикативной функции. Особое внимание в представленной работе уделяется образованию, значению и функциям названных форм и конструкций.

Белорусский смешанный говор представляет собой средство общения, распространенное по обе стороны государственной границы Белоруссии с Литвой и Юго-Восточной Латвией. Сами представители указывают на то, что разговаривают они «па-просту», и называют свой язык «простым» или «тутэйшым», хотя надо иметь в виду, что данные названия употребляются регионально и распространяются иногда также на польщизну кресову. С лингвистической точки зрения, мы имеем дело с так называемым 'смешанным говором', складывающимся из элементов различных славянских—белорусского, русского, польского—языков и неславянского литовского языка. При этом необходимо отметить, что основа названного говора белорусская, о чем свидетельствует ряд признаков, например, наблюдаемый в нем тип аканья, тип морфонологических чередований и другое.¹ Белорусский смешанный говор является в полной мере некодифицированным и существует исключительно в устной форме. У местного населения он пользуется низким престижем.

Белорусский смешанный говор на протяжении многих десятилетий существует в ситуации интенсивного языкового контакта. В первую очередь это касается польщизны кресовой, с которой белорусский смешанный говор имеет целый ряд общих фонетических и морфологических признаков,² а также (регионально маркированного) русского языка, под влиянием которого исследуемый говор находится особенно со времен советского режима. Литовский язык, роль которого на белорусских территориях в последние десятилетия заметно снизилась, необходимо также учитывать, хотя бы на уровне субстрата.

- 1 В белорусском смешанном говоре наблюдается полное недиссимилятивное аканье/яканье, ср. здесь, например, *dz'ac'ej*, *v'asná*, *v'arnúlis'a*, чередующееся с диссимилятивным, ср. *pitnácac'*, *min'á*, *na pl'ačo* употребление других типов, например, неполного недиссимилятивного аканья, как в *prapálo*, *sámaŷo*, или оканья, как в *okólica*, *do kos'c'ólu*, носит спорадический характер, см (Эркер 2013). К другим особенностям белорусского смешанного говора, подчеркивающим его белорусскую основу, можно отнести чередования в корне глаголов исторического спряжения на *i, как *s'adz'ěŷu—s'adz'ú*, а также тип палатализации /t'/, /d'/ → [c'], [dz'].
- 2 К таковым относятся, например, аканье (в обоих говорах осуществляется последовательно), мягкое произношение [x] перед гласными переднего ряда, протетические согласные, окончание -и вместо -ovi в дательном падеже единственного числа у существительных мужского рода продуктивного склонения, окончание -ov в родительном падеже множественного числа для существительных всех родов и типов склонения и др., см. подробнее в Wiemer & Erker (2011). О возникновении польщизны кресовой см. Turcka (1995).

Представленное исследование основывается на диалектных данных, полученных путем анализа диктофонных записей речи³ 55-ти информантов: 28ми — из Браславского района Витебской области (в дальнейшем — Бр.) и 27ми — из Лидского района Гродненской области (в дальнейшем — Лид.) на территории Белоруссии. Информанты подбирались по возрастным (от 65 до глубокой старости) и социальным (посещение начальной польской школы, владение, как минимум на уровне понимания, региональным вариантом польского языка)⁴ факторам. Для всех опрошенных информантов белорусский смешанный говор является основным средством общения.

1. *Образование и функции форм прошедшего времени на -l-*

Простые формы прошедшего времени образуются в белорусском смешанном говоре, как и в литературном русском языке, от инфинитива глаголов совершенного и несовершенного вида при помощи суффикса *-l-*, при этом сказуемое согласуется с подлежащим в роде и числе. В формах мужского рода единственного числа /l/ в большинстве случаев переходит в [ц], возвратные глаголы имеют постфикс *-s'a*, реже здесь также наблюдается вариант *-s'*, например:

(1) *Múčalas'a, jak zajšli rúskija, pasadzili tátu, táta s'adz' éu, a my yada-váliš'a tak* — Мучалась, когда пришли русские, посадили папу, папа сидел (в тюрьме), а мы росли сами по себе (Лид.)

Функциональная сфера простого прошедшего времени довольно широкая, в зависимости от вида формы на *-l-* способны выражать процесс, состояние или событие в прошлом, указание на актуальность для момента речи при этом может отсутствовать. Наиболее интересными для представленного здесь исследования являются формы простого прошедшего времени совершенного вида. В основном такие формы используются для выражения оторванных от момента речи кратковременных действий в прошлом, что уже во

3 Письменное оформление устной речи информантов в данной статье производится с учетом стандартов, приближенных к международному фонетическому алфавиту (ИРА). При этом звуки [i] и [y] передаются при помощи двух знаков: *i* — после мягких согласных и *y* — после твердых. Учитывая это положение, дополнительное обозначение мягкости/твердости согласного, как [i], излишне.

4 Здесь *польцизна кресова*.

многим предопределяет их основную сферу использования в белорусском смешанном говоре, а именно их употребление в функции нарративного претерита, см. здесь представленный в примере (2) отрывок из сказки, рассказанной информанткой из Браславского района:

(2) *Žylá páčěrka z máčexaj, mátki n'ė m'ėla, ažaniyŝa bác'ka, astalás'a dačká, (v'azi ty jajė ũ l'es), pav'ós ũ l'es [...]*— 'Жила падчерица с мачехой, матери (у нее) не было, женился отец, осталась дочка (завези ты ее в лес), повез в лес'. (Бр.)

Формы простого прошедшего времени совершенного вида могут выступать в значении акционального перфекта, т.е. фокусировать момент перемены состояния, отсюда их способность сочетаться с обстоятельствами времени, ср.:

(3а) *U listapádž'e s'astrá pam'órla*— 'В ноябре сестра умерла'. (Бр.)

(3б) *Min'a pryv'azlí ũ vaskrys'én'n'e, ũ srėdu zabal'ėu ac'ėc, čėras nidž'ėl'u skančáŝ'a, ěta býla takóje yóga*— 'Меня привезли (домой из больницы) в воскресенье, в среду заболел отец и через неделю скончался, это было такое горе'. (Лид.)

2. Причастные конструкции на -n/-t-

В белорусском смешанном говоре зафиксирован целый ряд предикативных конструкций с причастием на -n/-t-. Причастие-сказуемое согласуется в роде и числе с подлежащим; оно может выступать как в местоименной, см. примеры (4а), так и в именной (4б) формах, последние в белорусском смешанном говоре преобладают:

(4а) *býla dz'arėyŝn'a spál'ėnaja* 'была деревня сожжена' (Бр.); *nalóžanyja kulí* 'мешки наложены'. (Лид.)

(4б) *s'č'ėžačka výtaptana* 'тропинка вытоптана' (Бр.); *ks'ónški kúpl'ėny* 'книги куплены'. (Лид.)

Предикативные конструкции с причастием на *-n/t-* могут образовываться как со вспомогательным глаголом *byc'*, так и без него,⁵ при этом *byc'* согласуется с подлежащим в роде и числе, ср. примеры в (5), конструкции без вспомогательного глагола см. в (4а)–(4б):

(5) *toj byu na vajnú zabranu*—‘Мой (муж) был забран на войну’ (Бр.); *spál'anyja byli Xvasty*—‘Хвосты (здесь наименование деревни) были сожжены’ (Бр.); *us'ó býla zabrána, i xáta býla zabrána*—‘Все было забрано, и дом был забран’ (Люд.)

Вслед за Трубинским (1983, 1984), Князевым (1989), Кузьминой (1993) в лингвистической литературе различаются следующие типы диатезных конструкций с причастиями прошедшего времени на *-n/t-*: субъектный, объектный, посессивный. Первый тип конструкций образуется от непереходных глаголов, при этом грамматический субъект такой диатезной конструкции совпадает с субъектом исходной конструкции, ср. следующий пример из Князева (1989: 64): *Рана воспалилась*—*Рана воспалена*. В конструкциях объектного типа, образованных в основном от переходных глаголов, в качестве грамматического субъекта выступает объект исходной конструкции, ср. здесь пример из Wiemer & Giger (2005: 6): *Лесопильщики срубили дерево*—*Дерево срублено*. В особую разновидность, по словам Князева (1989: 64) и Вимера/Гигера (Wiemer & Giger 2005: 7), выделяются дудиатезные конструкции, т.е. образования, соотносимые с двумя исходными конструкциями, переходной и непереходной, ср. например: *Он взволнован*—*Его взволновали/Он взволновался*. Князев (1989: 65) говорит в данном случае о совмещении объектного и субъектного диатезных типов. Главной отличительной особенностью преобладающего большинства посессивных конструкций на *-n/t-* является наличие в их составе одушевленного ‘субъектного детерминанта’, выраженного предложно-падежным сочетанием *у +* родительный падеж, ср., *У него целая тетрадка исписана*. Данная посессивная конструкция соотносится с исходной

5 Отсутствие глагола-связки возможно только в причастных конструкциях в презенсном варианте, т.е. в конструкциях, выражающих актуальное состояние как результат предшествующего действия. У причастных конструкций, выступающих в функции претерита, глагол-связка опускаться не может.

переходной конструкцией **Он** *исписал целую тетрадку*. Речь здесь идет о так называемых *вторичных* посессивных конструкциях, в которых синтаксические отношения между аргументами в причастной конструкции отличаются от синтаксических отношений в исходной конструкции. Ср. представленный выше пример, где субъект исходной конструкции (*он*) выступает в качестве обладателя результата действия (*у него*), в то время как объект исходной конструкции (*тетрадка*) становится подлежащим причастной конструкции. В отличие от этого при образовании *первичных* посессивных конструкций синтаксические отношения между аргументами переходного глагола остаются неизменными, подробнее об этом см. ниже в главе о причастных конструкциях на *-(y)šy*. О выражении аргументов в предикативных конструкциях с причастием на *-n/t-* в севернорусских говорах см. также Lavine (в настоящем издании).

Используя представленную выше в ее основных чертах классификацию, удастся определить, что все зарегистрированные в белорусском смешанном говоре причастные конструкции на *-n/t-* принадлежат объектному типу. Объектные причастные конструкции образуются здесь в основном от исходных конструкций с переходным глаголом совершенного вида, как показывают следующие примеры:

(6) *l'údzi byli zv'éz'enyja u y'ermániju*—Людей вывезли в Германию' (досл. 'люди были свезены') (*Бр.*); *zdán'n'e na kas'c'ól addá-dz'ena*—'Здание отдано под костел'. (*Лид.*)

В редких случаях объектные причастные конструкции образуются от переходных глаголов несовершенного вида. В белорусском смешанном говоре зарегистрировано только два таких случая, см. следующие примеры:

(7) *tája škóla pry Pól'szy stául'ena*—'Та школа при Польше построена' (*Лид.*); *tu yalódnyja, n'ajeušy, u nas xl'er užo byu p'ěčany*—'Мы голодные, не обедали (досл. не евши), хлеба уже напекли' (*Лид.*)

Причастная конструкция *uv'ázany u yétu s'v'as'* в примере (8) может быть интерпретирована как субъектная, если исходить из того, что в ее основе лежит непреходный (возвратный) глагол *ввязаться*. При этом, конечно, как и во всех двудиатезных конструкциях, нельзя не учесть здесь и объектного ее варианта, с лежащим в основе переходным глаголом *ввязать кого-либо (в связь)*, ср.:

(8) *U mámy byu dvajúradny brat Kazlóvski, i jon byu uv'ázany u yétu sv'as' z b'elapal'ákami, a pápa n'é byu u s'v'ázi*— ‘У мамы был двоюродный брат Козловский, и он состоял в (этой) связи (досл. ‘был связан’) с белополяками, а папа не состоял’ (Бр.)

Основной функцией объектных причастных конструкций на *-n/t-* в белорусском смешанном говоре является результативная, т.е. обозначение состояния предмета, которое предполагает предшествующее действие (по определению Неद्याлкова, Яхонтова 1983: 7–9). См. представленные ниже примеры причастных конструкций на *-n/t-*, взятые в широком контексте:

(9) *Bráli us'ó što, zahódzili uxáty, búdzi bóčka m'ása stajác', kabán zarézan, tak z bóčkaj i pav'azúć*— ‘Брали все, что (найдут), заходили в избы, (если) будет бочка с мясом стоять, кабан зарезан, так (вместе) с бочкой и повезут’ (Бр.)

(10) *Jon [bac'ka] us'ó xaváus'a u nas u xáci, n'éskal'ka yadóu, u yumn'é, tam stajáu torp s'éna, i u étym tarpú byla zróbl'ena niša, i jon u étaj níšy s'adz'éu*— ‘Он [отец] все время прятался у нас в избе, несколько лет, в гумне, там стоял стог сена, и в этом стоге была сделана ниша, и он в этой нише сидел’ (Люд)

Стативное и акциональное (событийное) значение конструкций на *-n/t-* в белорусском смешанном говоре теоретически тоже возможно, но, к сожалению, в силу отсутствия достаточного количества соответствующих примеров, не подтверждается фактами. По функциям и особенностям образования причастных конструкций на *-n/t-* белорусский смешанный говор сходен с литературным русским языком, в последнем однако предпочтение чаще отдается ак-

тивной форме, например, (*У нас*) *все забрали* вместо формально совпадающей с пассивом конструкции (*У нас*) *все было забрано*.

Белорусский смешанный говор располагает сравнительно небольшим количеством причастных конструкций на *-n/t-*, более характерными здесь являются причастные конструкции на *-(y)šy*.

3. Причастные конструкции на *-(y)šy* в белорусском смешанном говоре

Причастные конструкции на *-(y)šy*⁶ получили в белорусском смешанном говоре довольно широкое распространение. При этом речь идет о конструкциях с формой краткого действительного причастия прошедшего времени,⁷ употребляемого в функции сказуемого. Краткое причастие прошедшего времени образуется от основы инфинитива при помощи суффиксов *-šy* (у глаголов с основой на согласный) и *-ušy* (у глаголов с основой на гласный). Краткое причастие от возвратных глаголов употребляется с постфиксом *-s'a*:

(11) *xto tam panaжаdžáušy*—‘Кто там понаехал’ (досл. ‘понаезжавши’) (Лид.); *us' é paгiрšy*—‘Все погибли’ (досл. ‘погибши’) (Бр.); *ja dúža bylá pryvykšy*—‘Я очень привыкла’ (досл. ‘была привыкши’) (Бр.); *my tróški bylí pryлаžúušys'a pa pól'sku yavarýc*—‘Мы немного приспособились (досл. ‘были приспособившись’) разговаривать на польском’ (Лид.)

Предикативная форма на *-(y)šy* может употребляться как с глагольной связкой, см. примеры в (12а), так и без нее (12б):⁸

6 В качестве морфонологически обоснованного варианта в белорусском смешанном говоре возможно употребление *-fšy*, варианты *-mšy*, *-dšy/-tšy*, *-lšy* в исследуемом говоре не зарегистрированы.

7 Некоторые исследователи, среди них Мацкевич (Мацкевіч 1959), Трубинский (1984), Хонселаар (2001) и др., обозначают его ‘деепричастием’ или ‘деепричастным перфектом’. В представленной работе от таких обозначений следует отказаться, поскольку они искажают синтаксический статус рассматриваемых конструкций.

8 Здесь, как и в случае причастных конструкций на *-n/t-*, см. выше в главе 2., опущение глагола-связки возможно только в презенсном варианте.

(12a) *fs'a úlica bylá zyaréušu*—‘Вся улица сгорела’ (досл. ‘была сгоревши’) (Бр.); *z Mínska autóbus byu pryjéchaušy*—‘Из Минска приехал автобус’ (Бр.)

(12б) *pól'skaya jazyká n'a ras'aráušu niják*—‘Польский язык (я) не потерял’ (досл. ‘(я) не потерявши’) (Лид.); *pra éty akórcy ja napisáušu v'erš*—‘Об этих окопах я написала (досл. ‘написавши’) стихотворение’ (Лид.)

Глагол-связка *бус'* при этом всегда согласуется с подлежащим в роде и числе, по отношению к причастию она может занимать непосредственную пре- или постпозицию, но может также быть отделена от причастия другими членами предложения, см. (13), непосредственная препозиция глагола-связки представлена в примере (12а):

(13) *tu v Ops'e dom kupíušy bylí*—‘Мы в Опсе купили (досл. ‘были купивши’) дом’ (Бр.); *jajé mužýk byu n'ékiju iz'áušu*—‘Ее муж взял (в жены) (досл. ‘был взявши (в жены)’) какую-то (другую женщину)’ (Лид.)

В редких случаях в качестве связки в белорусском смешанном говоре может выступать глагол *т'ес'* в форме прошедшего времени, согласующийся, как и *бус'*, с подлежащим в роде и числе, ср. следующие примеры:

(14) *lašádački t'éli kupíušy tu z ej*—‘Мы с ней лошадку купили’ (досл. ‘имели купивши’) (Бр.); *janá t'éla kupíušy kvarcíru*—‘Она купила (досл. ‘имела купивши’) квартиру’ (Лид.)

Глагол *т'ес'* может также выступать в форме настоящего времени, ср. следующий пример из Лидского района:

(15) *ja taju niraslaušu adras*—‘У меня есть адрес, (на который) я (еще) не отправила (письмо)’ (досл. ‘имею непославши’) (Лид.)

Данная конструкция проявляет определенное сходство с литовским языком, где наряду со вспомогательным глаголом *būti* ‘быть’ для образования результивной конструкции субъектного типа может использоваться глагол *turėti* ‘иметь’, ср. следующий пример у Вимера и Гигера (Wiemer & Giger 2005: 48):

(16) *Stalčiuje jis turi pasislėpęs butelį*—‘В выдвижном ящике он спрятал (досл. ‘имеет спрятавший’) бутылку’

Подобные конструкции находим также и в северо-восточной польщине кресовой. Следующие примеры взяты из текстов, представленных в книге Грек-Пабисовой и Марыняковой (Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999: 38–41):

(17) *kartofli tam posaz’ifšy tam na polu*—‘(Я) картофель посадила там на поле’ (досл. ‘имею посадивши’); *teras to ma ona dom ten, ma postavifšy kuperatyvny dom ma*—‘Теперь вот у нее есть этот дом, она построила (досл. ‘имеет построивши’) кооперативный дом’; *i цона, цо curka, ma, ma цогрут уз’efšy, nasazone cebuly ji kartofli*—‘И она, и ее дочь взяла (досл. ‘имеет взявши’) огород, (там) посажен лук и картофель’.

В белорусском смешанном говоре представленные в примере (14) конструкции способны образовываться также с помощью глагола ‘быть’; вариант без глагола-связки здесь тоже возможен, см. примеры (18):

(18) *ty v Óps’e dom kupiúšy byli*—‘Мы в Опсе купили (досл. ‘были купивши’) дом’ (Бр.); *bác’ka z’aml’ú kupiúša, a sam atm’ór*—‘Отец купил (досл. ‘купивши’) (участок) земли, а сам умер’ (Бр.)

Подобные примеры представлены у Вимера и Гигера (Wiemer & Giger 2005: 44) и для литовского языка:

9 Подробнее о результивных конструкциях в литовском языке см. Wiemer & Giger (2005: 43–48).

(19) *Jis yra įsigijęs mašiną*—‘Он купил (себе) (досл. ‘есть купивший’) машину’.

Образование причастных конструкций на *-(v)šy* (фонетический вариант [fšy]) с глаголом *buć* в северо-восточной польщизне кресовой соответствует белорусскому смешанному говору, ср. примеры со вспомогательным глаголом (20а) и без вспомогательного глагола (20б). Основное существенное отличие польщизны кресовой, насколько об этом позволяют судить тексты у Грек-Пабисовой и Марыняковой (Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999), наблюдается в спорадическом использовании глагола-связки *buć* в форме настоящего времени, ср. примеры в (21):

(20а) *no v Varšav'e to jez'z'ila i moja curka jez'z'ila i unučka tam jez'z'ili v gos'c'inne, curk'i to dv'e byli pojexafšy fškoly*—‘(Я) в Варшаву ездила и дочь моя ездила и внучка туда ездили в гости, обе дочери поехали (досл. ‘были поехавши’) в школы’; *była menža s'ostra pšyjexafšy i ona muv'i [...]*—‘Приехала (досл. ‘была приехавши’) младшая сестра и говорит [...]’; *k'ilka było pustych [...]* *rozb'ila, juš on'i pšygn'ifšy byli*—‘Сколько было пустых [...] разбила, а они уже гнилые (досл. ‘подгнивши’) были’; *mn'e była kon's'ifšy gaz'ina, šedlam na roz'omk'i*—‘Меня укусила (досл. ‘была укусивши’) змея, когда я ходила за земляницей’ (из текстов в Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999: 38–41)

(20б) *a vy do Słobutki pšyjexafšy?*—‘А вы приехали (досл. ‘приехавши’) в Слобутку?’; *kto i v'e jaka ona jest, arm'anka [...]* *instytut končyfšy*—‘Кто ее знает, какая она есть на самом деле, армянка [...] институт закончила (досл. ‘закончивши’)’; *tu u nas to takix n'e [ma], koxana, fšystk'e poum'erafšy*—‘Здесь у нас таких нет, родная, все умерли (досл. ‘поумиравши’)’; *ona muv'i, ja tak n'e moge, ja n'e pšyvučkšy, n'e moge*—‘Она говорит, я не могу так, я не привыкла (досл. ‘не привыкши’), не могу’ (из текстов в Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999: 38–41)

(21) *jeden člověk [...] muv'i, tu autobus jest pšyijexafšy, muv'i, tuta j benz'e, bendo juš rob'ic' gran'ica*—‘Один (человек) ... говорит, тут автобус приехал (досл. ‘есть приехавши’), говорит, что здесь будут проводить границу’; *jest dužo naiexafšy u nas tuta j luže na jv'ence j naiexafšy*—‘Здесь много приезжих (досл. ‘наехавши’) у нас тут большинство приезжих’; *žefčynka, ta syna, i jest tuta j i mn'e zostav'ifšy, bo on'i pracuio obydvá*—‘Девочка та сына, у меня ее оставили (досл. ‘есть оставивши ее у меня’), так как они оба работают’; *Potop čytała s'v, te ks'onške to ia juš jestem pšečytafšy prav'e na ram'en'c'*—‘«Потоп» читала, те книги я так часто читала (досл. ‘есть прочитавши’), что уже знаю наизусть’ (из текстов в Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999: 38–41)

Формальную и функциональную идентичность причастных конструкций в литовском языке, белорусском смешанном говоре и польщизне кресовой многие исследователи, в частности, например, Мацкевич и Грынавецкене (Мацкевіч, Грынавецкене 1993: 10), объясняют присутствием балтийского субстрата на территориях белорусско-польско-литовского пограничья. В пользу этой точки зрения говорит и отмеченная во всех трех идиомах субъектная конструкция со вспомогательным глаголом ‘иметь’, отсутствующая в других говорах с причастными конструкциями на *-(u)šy*. В качестве другой возможности распространения и сохранения таких конструкций в названных языковых идиомах надо рассматривать языковой контакт на смежных белорусско-литовско-польских территориях.

Наиболее подробно причастные конструкции на *-šy* исследованы на материалах русских говоров, крупнейшие работы в этой области принадлежат Кузьминой и Немченко (Кузьмина, Немченко 1971), Трубинскому (1983; 1984), Кузьминой (1993) и др., а также Марыняковой (Maryniakowa 1976), исследовавшей говоры русско-язычных старообрядцев на северо-востоке Польши. Исследователи выделяют несколько типов диатезных конструкций на *-(v)šy*, а именно: субъектный, объектный и посессивный. Субъектный тип, обозначаемый Трубинским (1984: 158) как ‘псковско-новгородский тип деепричастного перфекта’, образуют в большинстве своем переходные глаголы совершенного вида, включая возвратные,

хотя как Трубинский (1984: 158), так и Кузьмина (1993: 143) указывают на утрату постфикса при образовании причастной формы. Субъектные причастные формы в русских говорах могут употребляться в сочетании со связкой и без нее, при этом по Кузьминой (1993: 143) они входят в структурную схему двусоставных предложений, ср.:

Трава вся сгорелши—нет ничего (Редковцы Пушкиногорского р-на Псковской обл.); *Отец вставши* (Псковская обл.); *К нам был тогда на мотовозе парень один присоседивши* (Ленинградская обл.). Односоставные предложения встречаются редко, ср. примеры из Кузьминой (1993: 143): *Леса были большие, везде было заглохши* (Большие Толбицы Псковской обл.); *Комарья-то налетевши опять* (Абрамова Гора Ефимовского р-на Ленинградской области).

Что касается лексической базы производящих глаголов, то исследователи отмечают здесь в основном глаголы, обозначающие перемену состояния. Как наиболее употребительные Трубинский (1984: 158–59) приводит следующие: *прийти, уйти, уехать, приехать, собраться, жениться, помереть, сгореть, убець, встать, привыкнуть* и др. Причастия на *-(v)šy* субъектного типа могут образовываться и от переходных глаголов, ср. следующий пример из Кузьминой (1993: 144): *Егор воды нагревши* (Ильинское Лихославльского р-на Калининской обл.). По структуре такие конструкции сходны с *первичными* результативными конструкциями, т.е. такими, в которых при образовании от переходного глагола соответствующего причастия синтаксические отношения между субъектом и объектом остаются неизменными; при этом субъект и объект действия соотносятся друг с другом как ‘часть—целое’ либо ‘владелец—обладанное’, ср., например, *Он* (именительный падеж) *надевши шапку* (винительный падеж) <=> *Он* (именительный падеж) *надел шапку* (винительный падеж), см. подробнее Wiemer & Giger (2005: 7). В северных русских диалектах, как на это указывает Трубинский (1983: 218), *первичные* посессивные конструкции встречаются очень редко.

Объектный тип причастных конструкций на *-(v)šy*, обозначаемый Трубинским (1984: 163) как ‘селигеро-торжковский тип деепричастного перфекта’, образуется от переходных глаголов. Формы на *-(v)šy* в приведенных Трубинским (1983: 218) примерах типа *Контора*

заперши (Калининская обл.); *Корова напоивши* (Калининская обл.), полностью синонимичны объектному результату на *-n/t-*, ср.: *заперши—заперта, напоивши—напоена*. При этом здесь в качестве субъектного детерминанта может употребляться сочетание «у + родительный падеж» или имя в творительном падеже, например: *У меня веревка тут кинувши* (Заболотье Лесной Калининской обл.); *Утка охотником подбивши* (Алябьево Бесединский р-он Курской обл.), подробнее об этом см. также Кузьмина (1993: 145).

Учитывая представленные выше типы диатезных конструкций на *-šy*, попытаемся разобраться в материале, полученном из Браславского и Лидского районов распространения белорусского смешанного говора.

Основным типом причастных конструкций на *-(y)šy* как в Лидском, так и Браславском районе является субъектный. Субъектный тип образуется в белорусском смешанном говоре в основном от непереходных глаголов совершенного вида, см. приведенные ниже примеры из Браслава в (22а) и Лиды в (22б):

(22а) *fs'a úlica bylá zgaréušy*—‘Вся улица сгорела’ (досл. ‘была сгоревши’) (Бр.); *janá bylá výjšaušy zámuš*—‘Она вышла (досл. ‘была вышедши’) замуж’ (Бр.); *ja byu sam zyadziušys'a*—‘Я сам согласился’ (досл. ‘согласившись’) (Бр.); *ja bylá rapáušys'a*—‘Я попалась’ (досл. ‘была попавшись’) (Бр.)

(22б) *navicúušy nas bylá, ni klása ni kóncuušy*—‘[Мама] нас научила (досл. ‘была научивши’), хотя сама ниодного класса не закончила’ (досл. ‘незакончивши’) (Лид.); *dačká vyjšaušy za pravasláupnaua*—‘Дочка вышла замуж (досл. ‘вышедши’) за православного’ (Лид.); *pryvýkšy ja užó*—‘Я уже привыкла’ (досл. ‘привыкши’) (Лид.)

Лексическая база глаголов в приведенных выше примерах полностью совпадает с группой, выделенной Трубинским (1984) для характеристики в русских говорах субъектного диатезного типа от непереходных глаголов совершенного вида, см. выше в этой главе. В Браславском районе зарегистрировано несколько примеров субъектного типа от глаголов несовершенного вида, ср.:

(23) *ja yéta ni býuŝy, n'a čúla*—‘Я там не была (досл. ‘небывши’), не слышала’ (Бр.); *móža i lépej byló býuŝy*—‘Может и лучше было бы’ (Бр.); *ja n’ajéuŝy jaščé*—‘Я еще ничего не ела’ (досл. ‘не евши’) (Бр.); *radziúŝy’sa i žyúŝy tam*—‘(Я) родился (досл. ‘родившись’) и жил (досл. ‘живши’) там’ (Бр.); *byu s’ardziúŝy’sa na m’an’é*—‘(он) сердился (досл. ‘был сердившись’) на меня’ (Бр.)

Как отмечают Вимер и Гигер (Wiemer & Giger 2005: 37), причастные конструкции от глаголов несовершенного вида в севернорусских диалектах и просторечии употребляются преимущественно, а некоторые из них исключительно, с отрицанием, к последним относятся, например, *евши, кушавши, жравши, пивши* и *спавши*. Авторы подчеркивают также, опираясь на исследования в Рыко (2002: 190), что причастия на *-(v)ŝy* от глаголов несовершенного вида указывают на отсутствие (часто желаемого) результативного состояния (подробнее в Wiemer & Giger 2005: 37), как например:

(24) *sámi-to ne učivši, tak rebjat-to chot’ skol’ko poučit’*—‘Сами-то не учились (досл. ‘неучивши’), так хоть детей-то немного (надо) поучить’.

Материалы, из белорусского смешанного говора в примере (23), только частично подтверждают наблюдения обоих авторов, для выявления особенностей образования причастных конструкций от глаголов несовершенного вида в представленном говоре требуются дальнейшие исследования с привлечением—если это вообще возможно—бóльшего количества примеров.

Посессивный и субъектный тип причастных конструкций на *-(u)ŝy* от переходных глаголов совершенного вида, представлен в следующих примерах из Браславского (25а) и Лидского (25б) районов:

(25а) *ty v Óps’e dom kupíuŝy bylí*—‘Мы купили (досл. ‘были купивши’) дом в Опсе’ (Бр.); *Pil’súcki byu výbudaúŝy škólu*—‘Пилсудский построил (досл. ‘был построивши’) школу’ (Бр.); *ad’óžu svajú bylí zakaráuŝy*—‘Одежду свою закапали’ (досл. ‘были закапавши’) (Бр.); *Zós’a bylá sabráuŝy svajíx mal’čan’átak*—‘Зося собрала (досл. ‘была собравши’) своих детей’ (Бр.); *vot Boy zdaróu ja dáuŝy*

byu—‘Вот Бог здоровьем наделил’ (досл. ‘был давши’) (Бр.); *ты n’a ználi, xto jix tam výstraliušu*—‘Мы не знали, кто их там расстрелял’ (досл. ‘расстрелявши’) (Бр.); *bylí páru pasadzíušu ı c’urtmú*—‘Папу посадили (досл. ‘были посадивши’) в тюрьму’ (Бр.)

(256) *bylí partyzány zabíušu n’émca*—‘Партизаны убили (досл. ‘были убивши’) немца’ (Лид.); *vinčauša u kašc’él’e i dz’éci svajé paxres’cíušu u kašc’él’e¹⁰*—‘(Сам) венчался в костеле и детей своих покрестил (досл. ‘покрестивши’) в костеле’ (Лид.)

Субъектных причастных конструкций на *-(y)šu* от переходных глаголов несовершенного вида в материалах белорусского смешанного говора Лидского района не отмечено, в Браславском районе был зарегистрирован единственный случай такого употребления:

(26) *pól’skaya nijákogo n’a cíušu*—‘Польского (языка) никогда не слышал’ (досл. ‘неслышавши’) (Бр.)

Наличие отрицания в приведенном выше примере говорит здесь в пользу гипотезы, высказанной Вимером и Гигером (Wiemer & Giger 2005) по поводу особенностей употребления несовершенного вида в причастных конструкциях на *-(y)šu*, см. выше в этой главе.

Причастные конструкции на *-(y)šu* объектного типа белорусскому смешанному говору не свойственны, в материалах из Браслава и Лида найдено только два таких примера:

(27) *a tyja u y’ermániji bylí zabráušu*—‘А те были забраны в Германию’ (Бр.); *vókna pavydziráušu bylí*—‘Окна были выдраны’ (Лид.)

Посессивный тип отмечается в исследуемом говоре также лишь sporadически. В первую очередь, это касается упомянутых выше примеров причастных конструкций на *-(y)šu* со вспомогательным глаголом *m’ec’*, см. примеры (14). В классификации диатезных типов подобные конструкции обозначаются как ‘вторичный посессивный результатив’, т.е. результативные конструкции, где главный аргу-

10 Здесь, как и в случае причастных конструкций на *-n/t-*, см. выше в главе 2., опущение глагола-связки возможно только в презенсном варианте.

мент образующего причастие глагола выступает в качестве подлежащего при глаголе ‘иметь’ (Недялков, Яхонтов 1983: 9–12; Wiemer & Giger 2005: 6–9). Такие конструкции свойственны в основном западнославянским языкам, например, польскому (*mieć* + причастие на *-n/t-*) или чешскому (*mít* + причастие на *-n/t-*), подробнее об этом см. Wiemer & Giger (2005: 72–81, 91–94).

Основной функцией причастных конструкций на *-(y)šy*, как и причастных конструкций на *-n/t-*, в белорусском смешанном говоре является результитивная, ср. нижеследующие примеры конструкций на *-(y)šy*, взятые в широком контексте:

(28) *Ja yul’ála na úlicy, a u nas byli partyzány zabíušy n’émca, i janú saynáli us’éx u gumno i zapalíli*—‘Я играла на улице, а у нас партизаны убили (досл. ‘были убивши’) немца, и они [немцы] согнали всех в гумно и подожгли’ (Лид.)

(29) *N’émcy zas’aliušys’a tut byli, stajáli n’émcy, strax byu, partyzány s tul’, a n’émcy z yétul’*—‘Немцы здесь обосновались (досл. ‘были заселившись’), стояли тут немцы, страх был, партизаны отступили, а немцы отсюда (наступали)’ (Бр.)

(30) *Valódz’ka, tvoj pan pryjexaušy, katóry cib’á abmanuu, ni zaplaciú us’é dz’én’yi*—‘Володька, твой хозяин приехал (досл. ‘приехавши’), который тебя обманул, не заплатил все деньги’ (Бр.)

Несмотря на примеры, приводимые в Мацкевич (1957), а также в работе Мацкевич и Грынавецкене (Мацкевич, Грынавецкене 1993) для северо-восточных белорусских говоров, где причастные конструкции на *-(y)šy* способны сочетаться с указывающими на событийное значение обстоятельствами времени, или передавать последовательность законченных действий, т.е. использоваться в нарративной функции, см. примеры в (30а), (30б), в материалах белорусского смешанного говора подобных случаев не зарегистрировано:

(30а) *Va ýрэмя бою были спалиўшы абору* (Мацкевич 1957: 47)—‘Во время боя сожгли (досл. ‘были спаливши’) коровник’.

(30б) *Сабака пятаха ганяўшы і пер'я надраўшы* (Мацкевіч, Грынавецкене 1993: 105–109) — ‘Собака петуха гоняла (досл. ‘гонявши’) и перьев надрала’ (досл. ‘надравши’).

В белорусском смешанном говоре данные значения выражают в основном только простые формы прошедшего времени, примеры см. выше в главе 1.

Необходимо также указать на неравнозначное распределение причастных конструкций на *-(y)šy* в белорусском смешанном говоре: если в Браславском районе употребление довольно широкое, то в Лидском они употребляются заметно реже. Таким образом, в Браславском районе еще наблюдается относительная систематичность в использовании причастных конструкций на *-(y)šy* для выражения результатива на фоне нарративной цепи из простых форм прошедшего времени, что наглядно демонстрируют примеры (28)–(30). В Лидском районе употребление причастных форм на *-(y)šy* носит скорее спорадический характер.

Заключение

Как показало представленное в предыдущих главах исследование материалов из Лидского и Браславского районов, белорусский смешанный говор располагает двумя типами причастных конструкций: результативом на *-n/t-* объектного типа и результативом на *-(y)šy* субъектного типа. Эти формы находятся в функциональной оппозиции к простым формам прошедшего времени на *-l-*, которые в обоих регионах преобладают. Можно предположить, что причиной такого преобладания является интенсивное влияние со стороны контактного русского языка, способствующего вытеснению причастных форм на *-(y)šy* простыми формами прошедшего времени.

Наличие в белорусском смешанном говоре двух различных морфологических типов образования причастных конструкций — суффикса *-n/t-* для объектных и *-šy* для субъектных, а также использование для образования последних вспомогательного глагола *m'es'*, наглядно демонстрирует его тесную взаимосвязь с литовским языком и польщишной кресовой, что еще раз подтверждает мнение многих исследователей, в частности Судник (1975), о невозможности исследования говоров балто-славянского пограничья в изоляции друг от друга.

С другой стороны, исследуемый говор показывает принадлежность к более обширной территории, включающей наряду с говорами балто-славянского пограничья и русские северо-западные говоры, в частности говоры Новгорода и Пскова. В этой связи территории распространения белорусского смешанного говора выступают в качестве определенной границы, южнее которой употребление причастных конструкций на *-šu* резко сокращается и постепенно сходит на нет.¹¹

Литература

- Аванесаў, Р.І., Ю.Ф. Мацкевіч і А.У. Арашонкава, 1963, *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы*. Минск.
- Князев, Ю.П., 1989, *Акциональнасьць і статальнасьць: Іх суадношэньне ў рускіх канструкцыях з прычасткамі на -н, -т*, Мюнхен.
- Кузьміна, І.Б., 1993, *Сінтаксіс рускіх гавораў у лінгвагеаграфічным аспекце*, Москва.
- Кузьміна, І.Б. і Е.В. Немченко, 1971, *Сінтаксіс прычастных форм у рускіх гаворах*, Москва.
- Мацкевіч, Ю.Ф., 1959, *Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове*, Мінск.
- Мацкевіч, Ю.Ф. і Е.І. Грынавецкене, 1993, «Дзеяпрыслоўі на *-(ў)шы* ў беларускіх народных гаворках», *Lietuvių kalbotyros klausimai* 30, с. 105–109.
- Недялков, В.П. и С.Е. Яхонтов, 1983, «Типология результативных конструкций», В.П. Недялкова (ред.), *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, с. 5–41.
- Рыко, А.И., 2002, «Причастия на *-ши* в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона», *Русский язык в научном освещении* 2 (4), с. 171–93.
- Судник, Т.П., 1975, *Диалекты литовско-славянского пограничья (очерки фонологических систем)*, Москва.
- Трубинский, В.И., 1983, «Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах», В.П. Недялкова (ред.), *Типология резуль-*

11 Подробнее о результативных конструкциях в литовском языке см. Wiemer & Giger (2005: 43–48).

- тативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект), Ленинград.
- Трубинский, В.И., 1984, *Очерки русского диалектного синтаксиса*, Ленинград.
- Хонсelaar, Зеп, 2001, *Говор деревни Островцы Псковской области*, Амстердам.
- Эркер, Аксана, 2013, «Специфика именных парадигм в белорусском смешанном говоре на балто-славянском пограничье», *Балто-славянские исследования* 18, Москва, с. 193–229.
- Grek-Pabisowa, Iryda & Irena Maryniakowa, 1999, *Współczesne gwary polskie na dawnych kresach północno-wschodnich*, Warszawa.
- Jankowiak, Mirosław, 2009, *Gwary białoruskie na Łotwie w rejonie kraśwaskim. Studium socjolingwistyczne*, Warszawa.
- Maryniakowa, Irena, 1976, *Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców mieszkających w Polsce*, Wrocław.
- Turska, Halina, 1995, *O powstaniu polskich obszarów językowych na Wiłeńszczyźnie*, Vilnius, (фотомеханическая копия работы *Studia nad polszczyzną kresową* 1, 1982, J. Rieger & W. Werenicz (eds.), Wrocław, с. 19–122.
- Wiemer, Björn & Markus Giger, 2005, *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (Bestandsaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten)*, Munich.
- Wiemer, Björn & Aksana Erker, 2011, “Manifestations of areal convergence in rural Belarusian, or: Is there anything specific with ‘Mowa Prosta’?” *Journal of Language Contact* 4 (2), с. 184–216.